

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИКЪ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА
«РОССИЯ И ПАЛЕСТИНА: КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ СВЯЗИ
И КОНТАКТЫ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ»

(МОСКВА — СВЯТО-ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА —
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА)
23—27 ЯНВАРЯ 1990 ГОДА

31-й (94-й) ВЫПУСКЪ

ИЗДАНИЕ
ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО
ОБЩЕСТВА

МОСКВА

1992

Мухамид Омар Касаб (Израиль)

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ПАЛЕСТИНЫ, ОТРАЖЕННАЯ В ЕГО ИЗДАНИЯХ

Открывая свои действия 21 мая 1882 г., Общество в числе прочих задач взяло на себя также обязанность по учреждению школ. Просветительская деятельность Палестинского общества была обширнейшей частью всей деятельности Общества в целом, самой практической и встретившей в своем развитии наибольшее количество трудностей различного характера.

До выхода в свет «Сообщений Палестинского Общества» — собственного печатного органа Общества, сведения о русских учебных заведениях в Палестине публикуются в годовых «Отчетах» Общества. С началом выпусков «Сообщений» в 1886 г. вся просветительская деятельность полностью отражается в их материалах. Публикуются не только скучные отчеты, но и итоги инспекционных поездок, выдержки из писем учителей, живые очерки — всю жизнь палестинских школ, пансионов и семинарий, со всеми их заботами, проблемами, бытовыми деталями раскрывают нам эти публикации.

К этому времени существовало уже множество школ, ведь первые из них появились почти сразу после создания Палестинского общества. В 1882 г. открыта мужская школа в Мжеделе, через год появились школы в Кфар Ясифе, Рамэ и Шеджаре. В 1885 г. в ведение Палестинского общества вошла старейшая женская школа в Назарете. Там же в 1886 г. открыт мужской пансион, преобразованный в 1898 г. в учительскую семинарию. В 1890 г. открыла двери школьницам женская школа в Бейт-Джале.

Число школ очень быстро росло. Не хватало преподавателей, знающих арабский язык. Поэтому Общество взяло ориентацию на подготовку педагогических кадров из местного населения и открыло две учительские семинарии: мужскую в Назарете и женскую в Бейт-Джале, неподалеку от Иерусалима.

В школах Палестинского общества воспитательная работа велась по принципам передовой в то время русской педагогики. И. Ю. Крачковский говорит об этом так: «Велико было значение этих маленьких, часто бедно обставленных школ. Через учительские семинарии Палестинского общества проникали и сюда великие заветы Пирогова и Ушинского с их высокими идеалами». Учитывали национальные особенности учеников. Вспоминает о школе своего родного местечка Бискинте известный арабский писатель М. Нуайме в 1899 г.: «Первый раз в своей истории Бискинте узнала, что может быть названо идеальной школой. Первый раз мы почувствовали, что учились в школе, у которой своя система и программа». Что же это была за программа?

В первый класс начальной школы принимались дети от 3 до 6 лет. Их учили письму, счету и играм арабским и русским. Детей постарше обучали арабскому языку. И это «обучение арабскому языку» шло от алфавита до современной прозы и поэзии: оканчивающий школу владел в сравнительной степени лингвистическим анализом», — говорит М. Нуайме. Далее в программе стоял русский язык, география, чисто-

писание, черчение, пение и закон божий. Трудовое воспитание тоже не было забыто. Девочек учили шить и вязать, мальчиков столярничать. На пришкольных участках дети выращивали цветы, занимались садоводством.

Таковы были начальные школы для приходящих детей.

Палестинским обществом были организованы также пансионы для окончивших начальную школу ребят. Система образования и воспитательная работа в них были поставлены на более высокий уровень.

На примере Назаретского мужского пансиона (в дальнейшем принявшего имя одного из главных организаторов Общества В. Н. Хитрово) можно получить полное представление о программно-педагогических установках и об организационной структуре средних учебных заведений Палестинского общества.

Во главе пансиона стоял Педагогический совет, в который входили начальник пансиона, инспектор и учителя. Подобная организация была воспринята палестинскими учительскими семинариями.

Обучаться в пансионе могли дети, прошедшие курс начальной подготовки школ Общества. В первые годы своей деятельности Назаретский пансион был рассчитан на 24 места. В нем имелось 2 класса, в каждом обучение продолжалось 4 года при общем 4-летнем курсе. Программа была такова: 1. Закон Божий. 2. Арабский язык. 3. Русский язык. 4. Греческий язык. 5. История. 6. География. 7. Арифметика. 8. Геометрия. 9. Арабское чистописание. 10. Русское чистописание. 11. Черчение. 12. Пение. 13. Ремесла ручные и гимнастика. 14. Педагогика для окончивших курс учеников и оставленных при пансионе для подготовки к педагогической деятельности.

Первый выпуск Назаретского пансиона состоялся в 1890 г. и был, по общему мнению, признан удачным, а лучший воспитанник был рекомендован продолжать учебу в Киевской духовной семинарии. Эта традиция сохранялась на протяжении всей работы пансиона. В 1893 г. в апрельском выпуске «Сообщений» говорится: «Мы начали уже пользоваться плодами наших почтенных палестинских и сирийских деятелей. Один из наших стипендиатов, окончивший курс в Киевской духовной академии — Г. Н. Халеби — теперь учитель в нашем пансионе, другой, окончивший курс в нашем Назаретском пансионе — Г. Абу-Дервиш — старший учитель в одной из больших наших сельских школ». Суворин А. А., посетивший Назарет и его русские учебные заведения, сообщает: «Я просидел несколько уроков в этом пансионе. Хотя преподавание в старшем классе идет свободно по-русски, но мальчики, понимая все, говорят на нем, конечно, не совсем правильно и несколько затрудняясь грамматическим построением фразы»¹.

Ученики Назаретского пансиона помогали в работе назаретской амбулатории. «Так как назначение воспитанников — быть учителями в селах, где население мрет часто от незнания самых обыкновенных предосторожностей, соблюдаемых при болезнях, то чтобы дать кое-какие сведения по лекарской части, двое их (воспитанников) по очереди дежурят в амбулаторной Палестинского общества и помогают врачу в осмотре и уходе за больными»².

Но вообще назаретские школы Общества оставляют положительно превосходное впечатление как по первому впечатлению, опрятностью и чистотой школьных помещений, так и при более близком знакомстве с ними — постановкой всего обучения, а главное заботой о детях, вниманием воспитателей к своим питомцам»³.

Женский Бейт-Джалльский пансион во многом был сходен с мужским Назаретским. Он также был рассчитан на 24 ученицы. Принимались туда девочки от 11 до 13 лет.

При организации палестинских школ и разработке программ приходилось учитывать особенности образа жизни палестинского населения, местного климата, поэтому учебный год в них продолжался не более 6—7 месяцев.

В женских школах хотели было ввести стандартный образец казенной одежды для школьницы, но остановились на том, что местный народный покрой платья более удобен девочкам. Служащие школ делали все возможное, чтобы дети в пансионе чувствовали себя удобнее и свободнее, но и в то же время требовали строгой дисциплины, аккуратности.

Уже за несколько лет существования русских учебных заведений в Палестине успехи были замечательные благодаря самоотверженному труду педагогов-энтузиастов. «Не забудьте их имена, русские люди! Это: А. Г. Кезма, А. И. Якубович, М. Абу-Табих»⁴.

Педагоги учебных заведений в Палестине испытали много трудностей и в самом начале организации палестинских школ, и на протяжении всей просветительской деятельности Общества на территории Палестины. Незнание языка, быта, противодействие властей — все это на первых порах серьезно тормозило учебный процесс. По извлечениям из писем М. С. Савельевой — первой начальницы женской школы Назарета, видно, как трудно было русской учительнице пайти контакт с детьми, с их родителями, заинтересовать учебой, завоевать любовь и уважение своих, вначале непокорных, воспитанниц. «Из моих отчетов Вы видите, — пишет она, — что школа моя принимает обширные размеры и, имея только двух помощниц, я едва справляюсь с делом». Но сколько трудов стоит этот успех! Она сама приводила в порядок неуютные помещения, раздобывала интересные рисунки для вышивания — только бы в назаретской школе было хорошо и интересно. В том же Назарете давно действовала английская миссионерская школа. К ужасу ее начальницы многие девочки перешли в школу Палестинского общества. И англичане принимают «свои меры»: «Когда приехал в Назарет новый губернатор, он прислал солдата с приказанием закрыть школу и снять русский флаг. Видя, что этим приказаниям конца не будет, я решилась сама лично переговорить с каймакамом, причем сказала ему, что сама школу не закрою, а если он имеет право или приказание, то пусть пришлет солдата запереть классы и снять русский флаг. Он отказался это сделать, что мне и доказало, что он ни права, ни приказаний относительно моей школы не имеет, а что просто англичанам не хочется, чтобы была для них конкуренция, вот они и бросают деньги. Вот как здесь действуют»⁵.

Преподаватели палестинских школ, русские и арабы, честным и самоотверженным трудом преодолели многие препятствия, пока учебные заведения Палестины стали по общему мнению образцовыми. Не хватало учителей, владеющих арабским языком; учебников на арабском языке не было вовсе. Особо обстояло дело с преподаванием арабской грамматики. Школьных пособий по этому предмету не существовало. В местных школах дети занимались зубрежкой под страхом наказания и, естественно, выходили оттуда совершенно неграмотными. Старший преподаватель Назаретского пансиона А. И. Якубович взялся собственноручно решить эту проблему, считая необходимым в новой русской школе избавить ребят от бессмысленной долбежки. Пытаясь осмыслить весь хаос арабской грамматики, он ищет новые методы в составлении системы для обучения. Ему помогает А. Г. Кезма, араб по рождению, кончивший курс в России. На практике они убеждаются, что обучение арабской грамматике по образцу русской не годится и пробуют построить свою систему, придерживаясь звукового способа (не беря во внимание алфавитный порядок). «Все подгонялось так, чтобы из изученных звуков можно было составить слово»⁶.

В дальнейшем А. И. Якубовичем было составлено немало других учебников и пособий на арабском для палестинских школ и изданных Палестинским обществом: это «Руководство для учебных заведений Общества», «Руководство географии для учебных заведений Общества».

Благодаря стараниям педагогов пансион пополнялся все новыми необходимыми учебными пособиями. Появилась библиотека, всевозможные карты, глобусы и даже роскошества по тем временам: электрическая машина и анатомические препараты.

Все русские учебные заведения Палестины существенно отличались от школ западноевропейских и американских миссий, где на первом месте стояло изучение европейского языка. Но не только программные различия рознило русские школы от прочих. Отношения между учениками и преподавателями в русских школах были совершенно отличны от той атмосферы превосходства европейцев над арабами, которая преобладала в образцовых школах прочих миссий. Крачковский И. Ю., инспектировавший эти школы в 1908—1910 годах, замечает, что «по своим педагогическим установкам русские школы в Сирии и Палестине часто оказывались выше богато обставленных учреждений западноевропейских и американских миссий». Тепло отзываясь о русских учителях в своих воспоминаниях К. В. Оде-Васильева. Программой русских школ предусматривалась и такая, вроде бы, мелочь, как послеобеденные прогулки с воспитанниками. «...Эти прогулки очень сближали педагогов со своими учениками»⁷.

На общем собрании Палестинского общества, состоявшемся 19 декабря 1893 г., было указано, что число учащихся в 17-ти существующих школах достигло 1500 учеников. В итоге об этих школах были сказаны слова, характеризующие суть просветительских трудов русских педагогов: «... всего утешительнее было для нас убедиться во все более проникающем, благодаря успехам Е. М. Таракановой (начальница Бейт-Джалльской женского пансиона), А. И. Якубовича, А. Г. Кезма, в сознание учащихся, что не дети служат учащим, а наоборот: учащие служат детям. Это — убеждение, составляющее краеугольный камень наших воспитательских стремлений»⁸.

Прямо было сказано о разнице в целях русских палестинских школ и учебных заведений западноевропейских и американских миссий. «У них — приобщить послушных рабов, у нее — сделать из вверенных нам людей хороших честных людей».

«Еще характерный штрих рисует разницу в целях деятельности европейских миссионерских обществ и Палестинского общества. Первые, как я указывала, старались арабов-мусульман обращать в христианство, резко высказывались против ислама. А вот в школах Палестинского общества не только никогда не делали этого, но старались знакомить нас, арабов-христиан, со славным прошлым нашего народа, даже с возникновением ислама, знакомили с историей родной литературы»⁹.

Такое доброе, внимательное, искреннее и уважительное отношение было к воспитанникам в русских палестинских школах. Количество учеников росло очень быстро — свои задачи III отделение Палестинского общества выполняло успешно. «То, что другим надо приобретать золотом, нам, русским, это дается даром... Все здесь любят русских и надо видеть радость и приветливость, когда приходят сюда русские. ... От России народ ждет чего-то», — пишет из Назарета М. С. Савельева.

Для учительских семинарий была также разработана особая, очень обширная программа. Помимо предметов начальной школы, в них преподавали такие дисциплины, как алгебра, геометрия, педагогика. В женской Бейт-Джалльской семинарии в программу были включены история халифата и французский язык. В Назарете мальчиков обучали турецкому и английскому языкам. Семинаристы получали глубокие знания в области арабской литературы, так как «в числе преподавателей были выпускники Лазаревского института востоковедения. Это обстоятельство много способствовало тому, что семинаристы познакомились с научными методами исследования в области арабской литературы»¹⁰. Если знание русского языка у учеников начальных школ

было все-таки ограниченным, то воспитанников семинарий обучали серьезно и со старших курсов занятия велись на русском языке. Об этом пишет Д. В. Истоини, обследовавший в те годы русские школы: «Серьезное внимание, обращаемое в Бейт-Джалльском и Назаретском пансионах на изучение русского языка, коренится главным образом в желании открыть доступ местным ученикам к знакомству с нашей литературой».

И. Ю. Крачковский, экзаменовавший учеников Назаретской семинарии и вообще хорошо знакомый с положением дел в русских школах и семинариях, отмечает огромное значение, огромную важность изучения русского языка в распространении отечественной культуры: «Если не все с легкостью говорили, то все хорошо знали и выписывали журнал «Нива», у каждого можно было увидеть томик Чехова или Тургенева». И это, по его же словам, «...прикосновение к русской культуре, русской литературе оставляло неизгладимый след на всю жизнь. Сила книги обнаруживалась здесь во всей ее мощи. И недаром так много современных писателей старшего поколения, сказавших свое слово для всего арабского мира, вышло из школ Палестинского общества». Он же говорит: «В этой настоящей интеллигенции ума, вышедшей из народа и жившей с народом, я видел грядущую силу». Школы Палестинского общества воспитали блестящую плеяду арабских литераторов нового реалистического направления, журналистов-переводчиков, искренних пропагандистов русской классической и советской литературы.

Уже в 1912 г. в «Сообщениях» указывается, что Журжи Атые — «бывший преподаватель арабского языка в Назаретской семинарии и сын бывшего преподавателя арабского языка в Бейт-Джалльской семинарии... издает газету «Аль-Муракиб» в Бейруте»¹¹.

Русские школы и семинарии в Палестине были настолько заметным явлением в развитии национальной культуры, что мы читаем об этом на страницах современных арабских журналов, например «Аль-Кятиб аль-Филастиний» («Палестинский писатель»). В № 3 1978 г. Абу Сальма пишет: «Русские школы оказали влияние на арабское литературное движение, и много палестинских поэтов и писателей — выпускники этих школ. Это Насар Иса, Шафик Насар, Халиль Байдас». О влиянии этих школ на развитие именно национальной культуры говорит в своих статьях Эмиль Тума, доктор исторических наук, редактор журнала «Аль-Джадид» («Современник»).

Традиции перевода русской литературы на арабский язык восходят опять-таки к школам Палестинского общества. Фаузи Хури успешно переводит Л. Толстого, Михаил Искандер — Лермонтова, Достоевского, Чехова, Гоголя; Салим Кубайн известен как переводчик Горького. Первым, кто перевел произведения А. С. Пушкина на арабский язык, был воспитанник Назаретской семинарии, продолживший свое образование в России, в Полтавской семинарии, Халиль Байдас, журналист, писатель, один из первых представителей реалистического направления в современной арабской литературе. В начале XX века Байдас издавал журнал «Ан-Нафанс» («Драгоценности»), на страницах которого популяризировал русскую литературу. В своей статье «Пушкин в арабской литературе» А. А. Долинина прослеживает эволюцию перевода русской литературы и отмечает, что «традиция перевода восходит прежде всего к сиро-ливано-палестинскому региону, где, естественно, и сосредотачивалась деятельность Палестинского общества... Традиция оказалась прочной... и в дальнейшие годы переводы русской литературы связаны преимущественно с этими странами, идущими в авангарде арабского литературного движения»¹².

Несмотря на то, что во времена английского мандата Общество было вынуждено прекратить свою просветительскую деятельность, за недолгое время существования русских школ с 1882 по 1914 г. в них получили образование 10 тыс. человек. Огромная цифра. Открывая но-

вые учебные заведения, улучшая условия своих школ и семинарий. Палестинское общество оказывало посильную помощь местным школам: в Хайфе, Ммиуне, Заклэ. А ведь главным источником средств Палестинского общества, содержащего эти школы, был «Кружечный сбор по всем деревням Российской империи в вербную субботу и в вербное воскресенье», — свидетельствует академик А. Е. Крымский. К. В. Оде-Васильева, воспитанница Бейт-Джалльской семинарии, в дальнейшем востоковед, самоотверженно служившая арабской национальной культуре в СССР, с огромной признательностью отмечает этот факт в своих воспоминаниях: «Я всю жизнь благодарна русскому народу, на чьи трудовые копейки я училась в те далекие годы»¹³.

Несомненен факт религиозной направленности программ русских школ и семинарий в Палестине. Академик А. Е. Крымский, например, «резко отрицательно отнесся к тому, что в школах Палестинского общества вовсе пренебрегали арабской культурой, стремясь сохранить у детей только чувство принадлежности к православию»¹⁴. И все же прошедшее время дает право на более объективную оценку русских школ в Палестине, самого Общества и его изданий. Сам Крымский «призывал различать отрицательное влияние официальной российской культуры на Востоке, усугубленное русификационной политикой царизма и благотворную роль прогрессивной культуры русского народа»¹⁴. Именно это последнее было во много раз сильнее и сделало прекрасное и доброе дело.

Л и т е р а т у р а

¹ Суворин А. А. Палестина, С-П 1898, с. 298—299.

² Там же, с. 298.

³ Там же, с. 301.

⁴ Отчет деятельности ППО за 1882—1890 гг., г. 36.

⁵ Сообщение ППО. Май 1886 г. Ст. Извлечения из писем М. С. Савельевой, начальницы женской школы в Назарете.

⁶ Сообщения Палестинского Общества Т. II, сентябрь 1890 — февраль 1891. Ст. Назаретский пансион и школа. Выписки из писем старшего учителя А. И. Якубовича от 15 января и 21 февраля 1891 г.

⁷ Палестинский сборник. Выпуск 13 (76). И. В. Оде-Васильева. Л., 1965, ст. «Взгляд в прошлое», с. 172.

⁸ Сообщения Импер. Пр. Палестинского Общества. Февраль 1894 г.

⁹ Оде-Васильева К. В. Взгляд в прошлое, Палестинский сборник. М.—Л., 1966, вып. 13 (76), с. 175.

¹⁰ Там же, с. 172.

¹¹ Сообщения ППО. 1912, с. 573.

¹² Долинина А. А. Пушкин в арабской литературе. // Пушкин в странах зарубежного Востока. Сборник статей. Наука, М., 1979, с. 9.

¹³ Оде-Васильева К. В. Взгляд в прошлое, Палестинский сборник, вып. 13 (76), 1965, с. 176.

¹⁴ Гурницкий К. И., Крымский А. Е. М., 1980, с. 42.